

Марина и Сергей Дяченко

Электрик

*Часть сборника
Уехал славный рыцарь мой
(сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Электрик

«Автор»

2010

Дяченко М.

Электрик / М. Дяченко — «Автор», 2010

ISBN 978-5-457-12238-3

«Храп в купе стих только под утро. Пока Лена и Нина пили чай в пыльной щели между дерматиновыми полками, попутчик спал тихо, как младенец, и казался вполне довольным жизнью. В половине восьмого утра Лена и Нина вышли на асфальтовую ленту перрона, растрескавшегося и мокрого. Одиноким носильщик попытался навязать свои услуги, а когда это не удалось, просто пошел следом, и железная телега его грохотала, будто катафалк. Сумерки растворились, обнажив далекий лес, здание вокзальчика и площадку с желтым автобусом; на боку автобуса краснела большая, наполовину ободранная наклейка: “Загоровск – город живого дерева!”»

ISBN 978-5-457-12238-3

© Дяченко М., 2010

© Автор, 2010

Марина и Сергей Дяченко Электрик

Храп в купе стих только под утро. Пока Лена и Нина пили чай в пыльной щели между дерматиновыми полками, попутчик спал тихо, как младенец, и казался вполне довольным жизнью.

В половине восьмого утра Лена и Нина вышли на асфальтовую ленту перрона, растрескавшегося и мокрого. Одиноким носильщик попытался навязать свои услуги, а когда это не удалось, просто пошел следом, и железная телега его грохотала, будто катафалк. Сумерки растворились, обнажив далекий лес, здание вокзальчика и площадку с желтым автобусом; на боку автобуса краснела большая, наполовину ободранная наклейка: «Загоровск – город живого дерева!»

– Спят же с ним какие-то бабы, – бормотала Лена себе под нос. – Храпит, и храпит, и хрюкает... Вот же блин, за всю ночь даже не задремала, башка раскалывается...

Нина молча протянула ей таблетку баралгина, вторую, поморщившись, проглотила сама.

Желтый автобус шел из пункта А в пункт Б почти час. Выгрузив чемодан на автовокзал, Лена с прищуром огляделась:

– Здравствуй, город Задрипанск!

Двое-трое прохожих обернулись на эти ее слова, обменялись взглядами и пошли дальше.

Лена ненавидела все командировки, кроме заграничных. В город Загоровск она отказывалась ехать категорически. Еще вчера.

– Зато здесь легко дышится, – осторожно заметила Нина.

Ответом был взгляд, означавший: «Я презираю твой фальшивый оптимизм».

Лена переживала личный крах: до вчерашнего дня она была уверена, что связь с шефом дает ей особые права и возвышает над презренным бытом; вчера за два часа до поезда шеф объяснил ей, кто она такая и чего стоит: «Не поедешь, куда посылает фирма, – пойдешь, куда пошлю я». Шеф был зол и говорил громче, чем требовалось, поэтому не было человека в офисе, который не знал бы точного содержания их с Леной беседы.

Молча, волоча за собой чемоданы на колесиках, они прошли к городской гостинице. В холле их встретил густой запах маленького заведения, побывавшего на своем веку и советской гостиницей, и рабочим общежитием, и приличным отелем для так называемого среднего класса. До сих пор еще гостиница пыталась держать марку: большой букет гладиолусов помещался на столе посреди холла, слежавшийся запах сигаретного дыма был сдобрен неплохими духами, и вместо ключей с тяжеленными стальными грушами Лена и Нина получили на руки пластиковые карты. Администратор, тощая девчонка, улыбалась немножко через силу.

Все так же молча они вселились в номер, двухкомнатный полулюкс, и тут произошел инцидент. Лена обнаружила в ванной оборванное, как флаг на баррикаде, не очень белое полотенце, и пришла в ярость.

– За такие бабки... Это что, четыре звезды?!

Матерясь, как обезумевший филолог, Лена скатилась по витой лестнице на первый этаж. Бля, бля, бля, радостно повторяло эхо. Выйдя на площадку с затейливыми коваными перилами, Нина в лестничном пролете смогла видеть всю сцену: Лена налетела на молодую администраторшу, потрясая рваным полотенцем, не слушая сбивчивых оправданий, требуя немедленно пригласить старшего менеджера, директора, мэра, костеря на чем свет стоит тупых коров, которые зажрались, прилипли задом к вонючим креслам, и прочее в таком роде.

Нина отлично понимала, что, крича на бледную беззащитную администраторшу, Лена избывает горечь вчерашнего объяснения с шефом, крах иллюзий, неудавшуюся жизнь, бессонную ночь в купе; в конце концов Лена швырнула полотенцем в расстроенное лицо девушки за стойкой и, отдуваясь, вернулась в номер.

– Полегчало? – сухо осведомилась Нина.

– Они у меня, суки, к вечеру и окна помогут, и ковровлин в комнате перестелют, – Лена вытащила из сумки пластиковую бутылку с водой. – Ну-ка, идем, пока я в деловой форме, когда там рабочий день начинается в их конторе?

– В десять.

– В десять! Ты посмотри, сибариты хреновы, дрыхнут допоздна... Пошли!

Администраторша тихо рыдала, прикрываясь телефонной трубкой; Лена прошествовала мимо с высоко поднятой головой. Нина замедлила шаг, пытаясь придумать что-нибудь успокаивающее и примиряющее, но так ничего и не придумала; на дне сумки у нее лежал шоколад «Вдохновение» с орехами, призванный скрашивать суровые будни командировочной. Нина молча положила шоколад на стойку и вслед за Леной вышла на улицу.

Лена уже зафрахтовала пыльную «Копейку», дежурившую, очевидно, возле гостиницы.

– На фабрику? – с готовностью спросил водитель.

– Да, – Лена уселась впереди, Нина забралась на заднее сиденье.

– Командировочные?

Лена пробормотала неразборчивую фразу, означавшую, что у нее нет охоты болтать.

Городок Загоровск, при всей своей провинциальности, был зелен и мил. На заднем сидении у водителя валялась издававшая виды карта; Нина из любопытства развернула ее. Да, крохотный городишко, окруженный лесами с одной стороны и полями с другой, с единственным крупным предприятием – деревообрабатывающей фабрикой «Брусек». Хорошая фабрика; единственная проблема – нет нормальной железнодорожной ветки. Говорят, два года назад собрались уже строить, но вот – не судьба...

А в остальном – город как город: банк, большая электрическая подстанция, школы, почтовые отделения, больница, театр и концертный зал. Супермаркет в центре, гордо поименованный Моллом. Авторемонтные мастерские, колледж гостиничного хозяйства, турфирма «Горизонт»...

Машина остановилась на светофоре. Вдоль аккуратного бульвара сидели старушки, три очень похожие друг на друга круглые небольшие бабушки. В ногах у каждой стояло пластиковое ведро, в каждом ведре горкой высились одинаковые красные яблоки. Старушки сидели, не заботясь о покупателях, беседуя, греясь на утреннем солнце – вроде и не базар, а клуб или городской пляж...

Взвизгнув тормозами, у тротуара остановилась серебристая машина Мицубиси. Молодой человек, по виду – зажиточный клерк, выпрыгнул с водительского сидения, прижимая к груди пригоршню бумажных денег. Нина нащупала в дверце машины ручку, опускающую стекло, и принялась бешено ее вертеть.

– Это вам, – молодой человек стоял к Нине спиной, шумела улица, но слова его были отлично слышны. – Это вам, и вам, и вам... На здоровье.

И, будто чего-то боясь, он снова нырнул в машину. Едва переключился светофор, Мицубиси сорвался с места и скоро исчез впереди.

«Копейка» тронулась. Нина успела увидеть старушек, по-прежнему восседавших рядом, с деньгами в морщинистых руках: купюры, насколько смогла заметить Нина, не были мелкими. Старушки смотрели вслед Мицубиси.

– Эй, – Нина потрогала Лену за плечо, – ты видела?

– А? – Лена завозилась на сиденье. – Уже приехали?

– Нет, но тут была такая сцена...

– Отстань, я сплю...

Машина вырулила на местную окружную дорогу, и сразу сделалось пыльно. Здоровенные тягачи, платформы, груженные бревнами, шли медленно, в то время как навстречу тянулись фуры, покрытые брезентом, и ни о каком обгоне на узенькой дороге не могло идти речи. Нина, чихая, подняла стекло; еще через пятнадцать минут машина остановилась у проходной фабрики «Брусок». Справа и слева от двери с вертушкой помещались гигантские рекламные щиты: «Наша фабрика – гордость Загоровска» (стилизация под детский рисунок) и «Михаил Лемышев – мэр всех загоровчан» (огромное фото мужчины лет пятидесяти, улыбающегося только нижней частью лица).

– Приехали, – сказал водитель.

* * *

– Значит, вот это будет Тор, а это Фрея...

Директор фабрики, собственноручно явившийся на встречу, произвел на обеих неописуемое впечатление. Не то чтобы он был особенно красив, или молод, – лет ему было под сорок, а внешность легко вписывалась в среднестатистические параметры, – но Егор Денисович блестел, или даже блистал, от кончиков начищенных ботинок до густейших волос на макушке. Блестели озорные глаза; блестел значок на лацкане пиджака. Этот человек не вписывался в представление о провинции: он был столичный до последней складки на дорогих штанах. Его манера говорить, улыбаться, предлагать даме кресло не могла не заставить двух незамужних женщин затрепетать ноздрями, ловя исходящий от директора запах Givenchy.

Отодвинув «на потом» собственно деловые вопросы, Егор Денисович начал с вопросов художественных. Он, оказывается, внимательно изучил эскизы Нины, полученные по электронной почте (а Нина-то думала, что отсылает их только для проформы!). Идея коллекционных шахмат из натурального дерева показалась ему чрезвычайно интересной:

– У нас, знаете, основная часть потока – простые и стандартные вещи, мы на них получаем основную прибыль, но душа-то хочет чего-то эдакого! Вот почему мы с таким удовольствием рассмотрели предложение вашей фирмы.

– Вот пакет документов, – Лена извлекла пачку бумаг из портфеля, но Егор Денисович остановил ее движением брови:

– Да, да, это мы сделаем, это чуть позже... Верочка, где там наш кофе?

Он употребил слово «кофе» в мужском роде, чем совершенно купил сердце Нины.

– Мой безоговорочный фаворит – вот этот скандинавский набор, – продолжал директор, глядя ей прямо в глаза, чуть улыбаясь, так что не было сомнения: беседовать с Ниной – радость. – Асы против турсов, белые против черных... Скажем прямо, шахматы – не массовый вид спорта, как сувенир тоже довольно избито, но вот эти ваши эскизы, Нина Владимировна... Мы должны это делать. Думаю, со скандинавского набора начнем, – он потряс листом, на котором изображен был шахматный король Один. – Вы не просто художник, вы знакомы с технологией деревообработки, это ведь не пластиковая штамповка, нет!

– Нам надо бы решить по раскладам, по правам и по деньгам, – нетерпеливо напомнила Лена.

– Да, да, – Егор Денисович обратил свой взгляд теперь на нее, и улыбка на его губах моментально убила едва народившееся Ленино раздражение. – Думаю, мы полностью согласуем за два-три дня.

Нина мысленно застонала. Они собирались уехать из Загоровска самое позднее завтра утром.

– Два-три дня?!

Лена уронила многозначительную паузу. Секретарша Верочка поставила перед ней чашку кофе с примостившейся на блюдце квадратной шоколадкой; Егор Денисович заулыбался шире.

– Ну, – сказала Лена, – мы рассчитывали... У нас большая загрузка, думаю, наше руководство...

– Мы, я думаю, подготовим очень интересный для вашего руководства договор, – мягко сказал Егор Денисович. – Думаю, оно будет довольно вашей работой.

Лена, судя по лицу, горестно подумала о шефе, который с ней спит, но ни в грош не ставит. А Нина, как ни странно, обрадовалась: перспектива творческих бесед с директором почему-то улучшила ей настроение.

– Обратные билеты мы вам закажем, – заверил Егор Денисович. – Наш курьер привезет прямо в гостиницу.

– Хорошо, – согласилась Лена. Нина ограничилась кивком. Егор Денисович улыбнулся ей – без всякого сомнения, это была адресная, очень личная улыбка:

– Вы устали с дороги, правда? Вечером мы могли бы встретиться, у нас на территории есть отличное кафе. И обсудили бы за чашечкой чая художественную сторону проекта... Хорошая идея, как вам кажется?

* * *

Полотенца в номере заменили, палас заново пропылесосили и даже окна, кажется, наспех протерли снаружи.

– Я на диване, – сказала Лена. – Люблю спать на диване, если одна. Ты, если хочешь, забирай себе эту дурацкую двуспальную...

И замолчала, остановившись перед входной дверью. Нина, вытянув шею, заглянула Лене через плечо: когда они входили десять минут назад, никаких бумаг тут не было. А теперь в щели под дверью торчал оранжевый прямоугольный листок.

– Спам какой-то, – пробормотала Нина.

Она вытащила бумажку из-под двери; листок был плотный, без картинок, с текстом на одной стороне: «Антонова Елена Викторовна. Городское управление электрических сетей сообщает о задолженности. Вы должны выплатить в счет задолженности за электроэнергию три тысячи сорок рублей пятьдесят копеек. Оплата должна быть произведена в течение двадцати четырех часов».

– Бред, – растерянно пробормотала Нина.

– Вот козлы бородатые, – сказала Лена, снова раздражаясь. – Ну, я им устрою задолженность, я им...

– погоди, – быстро сказала Нина. – Я сама.

И, снова обувшись, она спустилась к администраторше.

Все еще бледная, но с обновленной косметикой, девушка выглядела, как ни в чем не бывало, и улыбалась – хоть и натянуто.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась к ней Нина, – вот этот листок нам подсунули под дверь – кто подсунул, зачем, и что это означает? И объясните, пожалуйста, как здесь очутились фамилия-имя-отчество Елены Викторовны?

Девушка, едва взглянув на оранжевый прямоугольник, вдруг побледнела еще больше – позеленела – и покачнулась за стойкой, будто готовясь упасть в обморок. Нина за нее испугалась.

– Простите, – пролепетала администратор. – Это... у нас в городе...

– Что у вас в городе? – Нина говорила тихо, но очень твердо. – Вы же понимаете, что насчет задолженности – полная чушь, мы утром приехали, и мы ничего не могли задол-

жать «городскому управлению электрических сетей»... Существует вообще в природе такое управление?

– Н-не знаю, – проямлила девушка. – Это... я не знаю, как объяснить. Никто не ходил по коридору. Никто из персонала не мог такое подсунуть.

– А данные? Не из вашей ли учетной карточки?

– Не знаю, – девушка овладела собой. – Ничего не могу сказать. Обращайтесь к старшему администратору, он будет после четырех.

– Странные шутки, – Нина пожала плечами. – И странная месть. Моя спутница... человек нервный, но рваные полотенца в номере – это тоже непорядок, правда?

– Это не месть, – сквозь зубы сказала девушка. – Я здесь вообще ни при чем. Но если... если хотите... – она перевела дыхание. – Ей надо эти деньги, вот сумму, что указана, отдать кому-нибудь. Или купить на эти деньги лекарств и отнести в больницу. Или просто милостыню... раздать.

– Сейчас, – желчно отозвалась Нина.

– Ну, что там? – прокричала из ванной Лена, когда Нина притворила за собой дверь номера.

– Предлагают тебе милостыню раздать на эти деньги, – проворчала Нина.

– Что, вот так, сто баксов – милостыню? Кучеряво они живут, у себя в Задрищенске!

Нина скомкала листок и выбросила в пластиковую корзину для бумаг.

* * *

Вечер удался.

«Беседа за чашечкой чая» вылилась в ужин за бутылкой хорошего вина. Нина подсознательно ждала разочарования: короткая встреча, полная недомолвок, предпочтительнее долгой беседы; обаятельный директор при ближайшем рассмотрении мог оказаться недалеким и пустым.

Однако же не оказался.

Он разбирался в живописи, он специально ездил на театральные премьеры, он собирал коллекцию джаза. Он говорил комплименты естественно, как воду пил, а, подмечая мелкие недостатки эскизов, был доказателен и точен. К концу вечера они договорились быть на «ты»; Лена, купаясь в периферийных слоях милейшей беседы, наблюдала за Ниной с некоторой грустью.

Машина директора подвезла командированных дам к порогу гостиницы. Шагая к лестнице, Нина успела заметить напряженный взгляд администраторши; девушку должны были сменить под утро.

– Это хорошо, Нинель, – рассуждала Лена, устраивая себе логово на диване. – Это тебе полезно... Ты ведь красивая, умная, талантливая баба, а все одна, а почему? Слишком хороша ты для среднестатистического мужика. Мужик это понимает. Ты это понимаешь...

– Ленка, – сказала Нина, – давай спать.

– Нет, а я говорю, что это хорошо! Кольца на пальце у него нет. Семейное положение – неопределенное. И на тебя смотрит, знаешь, с интересом, я этот взгляд отлично различаю...

– Давай спать, Лен.

– Ну, давай. Я завтра с утра поеду с договорами разгребаться, а ты спи, если хочешь, хоть до обеда...

Накинув халат, Нина на цыпочках прошла в ванную – и в коридоре вдруг остановилась. Из-под входной двери выглядывал белый листок. Нина взяла его в руки.

«Елена Викторовна, можете не верить, – прочитала распечатанный на принтере текст. – Но эти деньги надо отдать кому-нибудь за двадцать четыре часа. Пожалуйста, сделайте это. Пожалуйста. Иначе будет поздно».

– Ленка?

Лена уже спала, натянув одеяло чуть не на самую макушку. Не то она много выпила, не то здорово умаялась прошлой бессонной ночью.

– Лен?

Нет ответа. Тормозить измученного человека, который только что задремал, Нина не решилась; тем более что повод был... не очень приятный, конечно, и еще более сомнительный.

Подумав, она положила белый листок на тумбочку рядом с Лениной подушкой. В конце концов, завтра пусть сама решает, кого призывать к ответу за глупую, затянувшуюся шутку.

* * *

Нина проснулась посреди дня. Солнце билось в закрытые шторы. Лены не было – уехала на фабрику. Белый листок, скомканный, валялся в мусорной корзине; что ж, Лена приняла самое естественное решение – наплевать на вымогателей.

После вчерашнего ужина немного ломило затылок. Нина тщательно привела себя в порядок (пожалуй, тщательнее, чем обычно) и отправилась на экскурсию по городу Загородовску.

Новая администраторша встретила и проводила ее приветливой улыбкой. Нина хотела о чем-то спросить, но передумала: не получалось сформулировать вопрос так, чтобы не звучало по-идиотски.

Она брела, разглядывая витрины, вернее, свое в них отражение. Ей почти тридцать лет; она не худышка, но фигура приличная. Она не красавица, но женщина интересная, и следит за собой; но что, если Егору, с которым Нина теперь на «ты», просто нравится флиртовать с командировочными дамами?

Он называет ее «художником», он несколько раз давал понять, что ценит ее «глубокий творческий мир». Он отметил ее серебряный браслет, авторский, с двумя ящерицами. Он человек со вкусом; чем закончится эта поездка? И начнется ли что-нибудь после нее?

Вчера он обещал пригласить Нину и Лену к себе на дачу. Обоим совершенно ясно, что приглашена Нина, а Лена, вчера днем выслушавшая по телефону извинения от шефа, может тактично отказаться под каким-нибудь предлогом. Взрослые люди, не школьники. И все-таки – что это? Неужели – на один раз?

А вдруг навсегда? Бывает же чудо?

Она грустно улыбнулась своему отражению.

У входа в парк напротив угловой аптеки смирно сидел одноногий старик. Перед ним на асфальте расстелен был брезент, на брезенте башенкой высились лисички. Старик сидел, сложив большие ладони на единственном колене, и смотрел куда-то вдаль; Нина вдруг остановилась, вспомнив вчерашнюю странную сцену, молодца на Мицубиси, щедро раздавшего милостыню, взгляды старушек ему вслед...

Она вытащила сотню рублей из кошелька и положила старику на лисички. Тот быстро поднял глаза.

– Это просто так, – быстро сказала Нина, – мне грибы не на чем готовить, я приезжая...

Старик презрительно сжал губы. Или Нине померещилось презрение? Как бы то ни было, она отошла с неприятным осадком на душе и скоро вернулась в гостиницу.

* * *

– Куда пойдем обедать?

Лена вернулась к двум часам, вполне довольная встречей.

– Завтра все закончим и вечером сможем домой... Или ты хочешь еще остаться? А?

– Да ну, – пробормотала Нина.

– Что ты такая кислая?

– Голова болит.

– У меня тоже все время затылок ноет... Странный какой-то городишко. Люди странные. Вроде, улыбаются, а у самих глазенки-то бегают. Так куда мы пойдем обедать?

– А что, есть выбор? – пробормотала Нина. – В то кафе, что ниже по улице. Мне там вчера понравилось.

– Цены там хорошие, – пробормотала Лена, – цены, в самом деле...

Она остановилась и нахмурилась, глядя мимо Нины – будто задумавшись о чем-то внезапно и глубоко.

– Ты чего? – спросила Нина.

– Может, это у них секта какая-нибудь? Типа, оплати счета земные, а то на Страшном Суде будет поздно. Или просто с приезжих бабки вымогают? Так безыскусно, знаешь, никакой дурак не поддастся...

– У цыганок же получается.

– Так то цыганки... – Лена взяла халат, наброшенный на спинку кресла. – Вот елки, антистатик-то я дома забыла, током бьюсь сегодня весь день... Тебя Егор пригласил уже на дачу?

– Нет.

Заиграл мобильный телефон. Лена проницательно улыбнулась.

– Да, – Нина постаралась удержать губы, произвольно разъезжающиеся к ушам. – Да, Егор. Добрый день...

Лена, махнув ей рукой, скрылась за дверью ванной.

* * *

Минут десять они говорили о техниках живописи, кузнечном деле и деревообработке. Егор пригласил Нину полюбоваться на его коллекцию старинных оловянных солдатиков – его начал собирать еще дед Егора, генерал, отец продолжил, а Егор преумножил. К сожалению, Елена Викторовна сегодня вечером не сможет прийти – ей надо посидеть с документами.

Нина закончила разговор с пылающими ушами и пустой, как воздушный шарик, головой. Летит ведь, летит, как бабочка на огонь, и знает, что потом придется раскаиваться...

Но бывает же чудо?!

Лена, посмеиваясь, вышла из ванной с полотенцем в руках:

– Видок у тебя... Не робей, подруга. Он мужик что надо... Сейчас идем, я только почту проверю.

Она открыла ноутбук на краю дивана, сдула с носа влажную прядь, тихонько запела под нос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.